

Сергей ТИТОВ

г. Петрозаводск

СОН В ЯСНУЮ НОЧЬ

(партизанский рейд на Линдому 16 – 17 января 1943 г.)

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что сегодня, когда речь заходит о боях на Онежском озере в годы Великой Отечественной войны, первым делом вспоминаются боевые корабли и катера Онежской флотилии. И это, наверное, правильно. Моряки заслужили, чтобы о них помнили и с уважением относились к их тяжелой и опасной службе.

Однако большинство из нас не задумывается о том, что голубое Онего не всегда бывает голубым и что регулярно, из года в год, наступает пора, когда на смену вольной волне приходит твердый лед. Корабли в таких условиях, как известно, плавать не могут. Их уводят в укромные места, где они стоят, терпеливо дожидаясь следующей весны. Однако у войны свои законы, скидок на времена года она не делает и продолжается, невзирая на холода, метели и долгие темные ночи. А замерзшее озеро на несколько месяцев превращается в площадку, на которой продолжают происходить ожесточенные бои и льется кровь. Много крови. Гораздо больше, чем в теплые летние дни...

История зимней войны на Онежском озере (зимней – по времени года) – история героическая, драматическая и, к сожалению, как и многое

другое в истории Карельского фронта, малоизвестная. Было бы несправедливо сказать, что на нее никогда не обращали внимания. Обойти стороной эти события было невозможно, и историки не раз рассказывали нам о том, что происходило на Онего в зимние месяцы 1942, 1943 и 1944 годов. Но полной картины никто пока так и не представил, а главное, все эти рассказы основывались на показаниях советских архивных документов.

Финские свидетельства по вполне понятным причинам были труднодоступными или вовсе недоступными. Нетрудно догадаться, что в таком же положении находились и историки Финляндии, по причине чего говорить о полной объективности исследований не приходится. Но сейчас ситуация изменилась и благодаря современным технологиям мы можем получать интересующую нас информацию, не выходя из дома. Правда, советскими архивами пока приходится пользоваться традиционным способом (путем непосредственного посещения). А вот финские документы сегодня без особого труда можно получить на страницах соответствующих электронных

изданий, благодаря чему и появилась возможность узнать много нового и интересного.

Но прежде хотелось бы напомнить об одной особенности Онежского озера. Его максимальная ширина превышает 80 км. Однако таким оно является лишь в своей центральной части (по линии Петрозаводск – река Водла). Южнее озеро сужается, а севернее и вовсе превращается в узкую полосу Заонежского и Повенецкого заливов, где расстояние от одного берега до другого не превышает 10 – 20 км.

В годы Великой Отечественной войны озеро оказалось поделенным на две части. Его восточный берег остался советским, а на западном утвердились финны. Спокойной жизни противники друг другу, естественно, не гарантировали, и бои на озере происходили как летом, так и зимой (с перерывами на ледостав и ледоход). При этом с мая по октябрь все самое важное происходило в широкой части Онего, где оперировали советские и финские боевые корабли, а в зимние месяцы (с конца декабря – начала января и до апреля) центр событий смещался на север, в обширный район, протянувшийся от Большого Клименецкого острова до Повенца. О канонерках и бронекатерах тут никто уже не вспоминал, потому что основными боевыми и транспортными средствами становились лыжи, лодочки-волокуши и аэросани.

С финской стороны главными участниками здесь были 14-й полк Онежской береговой бригады и сменявшие друг друга части группы «Мааселья» (позднее II армейского корпуса). С советской стороны против них действовали подразделение 313-й стрелковой дивизии, 80-го пограничного полка и партизанские отряды.

Ожесточенные стычки на онежском льду происходили практически ежедневно или, если уж быть абсолютно точными, еженощно. Еженощно – потому что при свете дня на лед выходить было и опасно, и бесполезно: увидят и тут же обстреляют. А вот ночью, когда на озеро опускалась кромешная темнота, внезапного нападения можно было ожидать в любом месте и в любой момент. Рассказать обо всем, что происходило на онежском льду в те дни и месяцы, в объеме журнальной публикации невозможно. Поэтому пока мы ограничимся только одним событием, которое случилось темной январской ночью 1943 года.

Зима 1942 – 1943 годов не была ни слишком ранней, ни очень холодной. Советские корабли покинули Онежское озеро и ушли на зимовку в Рыбинск в первой декаде ноября 1942 года. Финским кораблям уходить было некуда, и они еще месяц курсировали от одной гавани до другой, пока, на-

конец, 9 декабря не было объявлено о завершении летней кампании. После этого на Онего наступило короткое затишье. Озерный фронт замер, ожидая, когда окрепнет лед. На обоих берегах противники совершенствовали свои позиции, а там, где позволяло расстояние, периодически обменивались порциями снарядов и мин.

В первых числах января 1943 года лед наконец-то окреп, на него тут же вышли патрули и небольшие группы разведчиков. В это же время советское партизанское командование начало подготовку крупной (по местным меркам) диверсионной операции. При выборе места ее проведения особое внимание было уделено полосе берега между мысами Тамбиц-маяк и Крестовая Губа, куда 6, 7 и 9 января были направлены несколько небольших разведгрупп с задачей определить расположение финских опорных пунктов и их огневые возможности, выявить систему минных полей и взять «языка».

«Языка», скажем сразу, взять так и не удалось. Берег был сплошь усеян минами, а потому выбраться на него и устроить засаду в каком-то укромном месте было невозможно. К тому же финские часовые не дремали и в двух случаях из трех смогли обнаружить появление противника. В ночь с 6 на 7 января дело ограничилось обстрелом из пушек и минометов, а в ночь с 9 на 10 января на озере разразилась нешуточная перестрелка. Финны попытались отрезать партизанам путь отхода и выбросили на лед группу автоматчиков. Партизаны приняли бой, прорвали кольцо и ушли на свою сторону, заявив о 15 убитых финнах и одном своем легкораненом. Финны о потерях противника ничего не сказали, а относительно своих записали коротко и ясно: «Omia tapioita ei ollut» (у нас потерь не было).

В целом действия разведчиков были признаны удовлетворительными, и 12 января 1943 года в партизанском штабе принимается решение нанести удар сразу по нескольким гарнизонам противника. Сегодня можно с уверенностью сказать, что полной и четкой картины о положении противника на основании полученных разведданных составить так и не удалось. И это неудивительно, потому что разведчикам приходилось вести наблюдение ночью, издалека да к тому же не с горки, а, наоборот, из озерной котловины. Так что можно еще порадоваться, что они хоть что-то разглядели. Забегая вперед, заметим, что следствием этого явилось не совсем точное распределение задействованных в ходе операции сил. На ее общий итог это не повлияло, а вот результативность отдельных атак могла быть более существенной.

Впрочем, на то она и война – на ней всего не угадешь и не угадаешь.

Исходным пунктом похода была определена деревня Туба, куда 13 и 14 января из Шалы, Чажвы и Марнаволока прибыли партизанские отряды имени Т.Антикайнена, имени Чапаева, «Боевые друзья» и «За Родину», а также 2 диверсионные группы и группы саперов общей численностью не менее 270 человек. Подготовкой операции руководил начальник оперативной группы Карельского штаба партизанского движения при штабе 32-й армии Н. П. Аристов. Командиром сформированного партизанского соединения был назначен В.М. Лопаткин – командир отряда имени Т. Антикайнена. К вечеру 15 января все было готово, и отряды имени Т. Антикайнена, имени Чапаева и «За Родину» двинулись в сторону вражеского берега.

До него партизаны дошли благополучно, но дальше этого дело так и не пошло. Как вспоминал потом заместитель командира отряда имени Т.Антикайнена И.С.Киришкин, из-за плохой связи между отрядами и группами, а также плохой организованности саперов операцию пришлось отменить. В 7 часов утра 16 января соединение вернулось в Тубу. Правда, противник так ничего и не понял, а главное, саперам, несмотря на предъявленные к ним претензии, удалось-таки проделать проходы в минном поле. С рассветом эти проходы были обнаружены финнами, но закрывать их они не стали (то ли поленились, то ли отложили на другой день), а ограничились лишь тем, что натыкали в снегу сигнальных ракет. Какие оргвыводы сделал партизанское начальство в течение следующего дня – о том история умалчивает. Однако к вечеру 16 января 1943 года все было готово к новому походу и в 17 часов 30 минут, еще засветло, отряды во второй раз ступили на озерный лед.

Согласно выработанной диспозиции, основной удар должен был наноситься по деревне Линдома, где, как установила разведка, располагался финский гарнизон численностью не менее 150 человек. Сюда были нацелены главные силы партизанского соединения: отряды имени Т.Антикайнена и имени Чапаева, а также 2 разведгруппы. Второй целью рейда должен был стать мыс Тамбиц-маяк (южнее Линдомы), где, как было известно, стоял большой прожектор и находился гарнизон численностью до 15 человек. Для атаки его был выделен усиленный взвод партизанского отряда «За Родину». Два других взвода отряда «За Родину» должны были нанести удар по опорному пункту на мысе Крестовая Губа (к северу от деревни Линдома), где, как считалось, могло быть до 40 – 50 финских солдат.

Шли медленно (со скоростью 2,5 км/ч), строго

поддерживали походный порядок, экономили силы (каждый час – привал на 15 минут) и быстро ложились на лед, когда финны включали прожектор. Примерно в 23 часа 30 минут подошли к занятому противником берегу на 1200 – 1300 м и залегли, организовав круговую оборону. Выслали вперед саперов, которые подготовили проходы в минных полях. В частности, в районе Линдомы были сняты 60 фугасных подвесных мин и 51 сигнальная ракета, а у Крестовой Губы был проделан проход шириной в 3 лыжни. После этого, опять же не торопясь и не пользуясь палками (чтобы не было слышно скрипа снега), вышли на берег и начали выдвигаться на рубежи атаки.

Ночь с 16 на 17 января 1943 года выдалась не очень морозной (-12° С) и лунной. Видимость была хорошей, и данное обстоятельство, вроде бы абсолютно невыгодное для партизан, сыграло злую шутку с финнами. Судя по всему, особого рвения их патрули и наблюдатели не проявляли, а в деревне Линдома и вовсе решили, что им в такую ясную ночь ничто не угрожает и они вполне могут обойтись двумя часовыми, выставленными на северной и южной околицах. Поначалу все было спокойно, но едва минула полночь, как над деревней послышался крик. Кричал, как оказалось, часовой с южной окраины, сообщая, что видит приближающихся с разных сторон лыжников. Тут же раздались несколько выстрелов и часовой умолк. Переполошившиеся солдаты начали выбегать из домов, но на улице их уже ждали. Затрещали автоматные очереди, загрели разрывы гранат, один за другим вспыхивали подожженные термитными шашками дома. В 20 минут первого в штабе 2-го батальона 14-го берегового артиллерийского полка раздался телефонный звонок и кто-то на другом конце провода прокричал срывающимся голосом: «Русские ломают в окна, я остался один...» После этого связь вышла из строя, телефон замолчал.

Согласно опубликованным в нашей печати сведениям, партизанские отряды, подойдя незаметно к берегу и проделав проходы в минных полях, атаковали и разгромили «гарнизоны противника в деревнях Линдоме, Крестовой Губе и Тамбиц-маяке». При этом упор в основном делается на то, что гарнизоны эти располагались в деревнях или поселках, куда партизаны врываются и, забросав дома гранатами и зажигательными средствами, расстреливали выбегавших на улицу солдат и офицеров противника. Всего таким образом было уничтожено до 200 человек и захвачены обильные трофеи. Однако в действительности все было не так просто и достигнутый успех при всей своей значимости оказался не столь впечатляющим.

Основной удар пришелся по деревне Линдома (или Линдема), где, как выясняется, находились командный пункт и взвод снабжения 37-й противотанковой роты (или, по-другому, роты береговой обороны), взвод 15-го саперного батальона, взвод связи, а также ряд более мелких подразделений. Никаких инженерных сооружений вокруг деревни возведено не было, и только по обеим сторонам дороги среди домов стояли 2 пулемета и 2 противотанковые пушки (из них 1 пулемет и 1 пушка находились в окопах). Атака на Линдому, судя по записям в финских штабных журналах, началась 17 января в 0 час. 10 мин. (1 час 10 мин. по московскому времени). Партизаны, незаметно обойдя деревню по склонам горы, напали с трех сторон, и застигнутым врасплох финнам пришлось туго. Как вспоминал один из партизан-участников этого боя, «...дома загорелись. Из них начали выскакивать лахтари (так еще с 1918 года называли финских белогвардейцев, которые и в 1943 году оставались «белофиннами». – С. Т.) в одном нижнем белье, так как наш подход для них был неожиданным». Вполне возможно, что сегодня в этих словах кто-то увидит пропагандистский налет, но вот как сами финны описывали этот, весьма неприятный для них момент: «Деревня... была полностью застигнута врасплох, и враги из автоматов начали обстреливать дома, где спали люди. Об организованной обороне не могло быть и речи, потому что у всех было желание выскочить из домов и поскорее выбраться из деревни, которая своей большей частью уже была охвачена огнем». Нижнее белье здесь вроде бы не упоминается, но о его наличии у финнов можно говорить с полным основанием.

Тем не менее часть солдат пыталась отстреливаться из окон домов и с чердаков. Там, где удавалось, их огонь подавлялся ручными гранатами, но вскоре, чтобы избежать лишних потерь, партизанское командование приказало отвести людей на исходный рубеж, а все имеющиеся в деревне дома и постройки сжечь или взорвать. Судя по всему, для финнов это было подарком судьбы. Партизаны начали отходить, их натиск ослаб, чем незамедлительно воспользовались финские солдаты. Нет, в контратаку они не пошли. Они просто выскочили из домов на улицу и бросились бежать. Как было сказано в одном из финских штабных документов, «солдаты бежали по дороге в северном направлении до опорных пунктов 6 и 7, при этом часть получила ранения, а саперы добежали даже до Кузаранды».

Понятно, что вспыхнувшая в Линдоме ожесточенная перестрелка не осталась неслышанной в

соседних гарнизонах и деревне Тамбицы-Речка, где располагался штаб 2-го батальона 14-го берегового артиллерийского полка (он же – штаб оборонительного сектора «Реска»). Там сразу же объявили тревогу и в 0 час. 40 мин. отправили в Линдому группу лыжников. Но до деревни им дойти было не суждено. Еще в момент подготовки атаки командир партизанского соединения В.М. Лопаткин распорядился оставить на дороге, ведущей из Линдомы в Тамбицы, усиленное отделение отряда имени Т. Антикайнена. В итоге спешившие в Линдому финны попали в засаду и после двух попыток прорваться были вынуждены отступить.

По одним советским данным, «группа белофинов, ...наткнувшись на нашу засаду, была частью уничтожена, частью рассеяна...», а по другим, финнов было до взвода и огнем из засады были уничтожены около 20 солдат и 1 офицер. Однако, по сведениям финских источников, все было скромней. Выясняется, в частности, что в Линдому была отправлена группа численностью 14 человек (в том числе 5 офицеров), из которых в первый момент были ранены (не убиты) 2 сержанта, а чуть позже, когда финны попытались обойти засаду слева, ранение получил офицер. Надо полагать, что в темноте партизаны посчитали всех упавших в снег солдат противника убитыми, а потому вольно или невольно преувеличили число поверженных врагов. Впрочем, свою главную задачу засада выполнила и, как грустно констатировали в штабе 14-го полка, «противник изолировал место боя». Для общего успеха партизанской операции это имело большое значение.

После того как сопротивление финнов в Линдоме прекратилось (по причине их бегства «в северном направлении»), партизаны вернулись в деревню и довершили разгром гарнизона, точнее, того, что осталось после него в домах, на складах и в конюшне. В итоге на месте деревни остались кучи головешек да воронки, образовавшиеся при подрыве складов боеприпасов. Всего в Линдоме, по финским сведениям, было сожжено 5 и взорвано 4 дома. Интересно, что данный факт финны не скрывали, и 15 февраля над Пудожем появился финский самолет, с которого были сброшены листовки, в которых говорилось следующее: «[Партизанским] отрядам удалось сжечь в деревне Линдема 9 домов, но кому от этого убытки? При таких авантюрах убытки несут лишь жители, дома которых вы сжигаете».

Однако в словах этих было немало лукавства. С одной стороны, деревню, конечно, жалко. А с другой, жителей прибрежных деревень финны давно уже эвакуировали в глубь материка, и о том, что

находилось в домах Линдомы и кто при этом понес «убытки», можно судить по данным партизанских отчетов. Согласно этим сведениям, в деревне партизанами были уничтожены штаб финского подразделения с документами и радиостанцией, склады с артснарядами, боеприпасами, продовольствием и хозяйственными принадлежностями, а также конюшня с находившимися в ней лошадьми. При этом, как вспоминают очевидцы, при подрыве артиллерийского склада всех находившихся поблизости взрывной волной сбило с ног, а сам звук этого взрыва был отчетливо слышен на другом берегу озера – в Авдеево и Шале. И это не случайно, потому что снарядами был до отказа набит большой двухквартирный дом, а еще 25 ящиков лежало у стены на улице. Но и это еще не все. По данным журнала 15-го саперного батальона, на воздух взлетел склад мин, в котором хранилось около 500 начиненных толлом бутылок, предназначенных для устройства ледовых минных полей.

После того как все дома и постройки деревни Линдома были уничтожены, В. М. Лопаткин дал команду на отход. Пользуясь знакомой лыжней, партизаны без каких-либо преград вышли на озеро и двинулись в сторону Тубы. К сожалению, время начала этого движения в советских документах не указано, но известно, что уже около 7 часов утра отряды были на своем берегу. При этом выясняется один весьма любопытный факт. Как следует из финских источников, в 3 часа ночи (4:00 по московскому времени) группа солдат во главе с прапорщиком Сюрьяля атаковала Линдому. Атака успеха не имела, потому что за деревню «противник ожесточенно боролся», и финны были вынуждены отойти. В этой связи можно было бы посочувствовать прапорщику Сюрьяля, не сумевшему выполнить ответственный боевой приказ, если бы не одно обстоятельство: сам противник об этом своем успешном «бое» так ничего и не узнал. Не узнал, потому что в указанное время находился где-то посередине Заонежского залива. Остается только гадать, с кем же тогда воевал прапорщик Сюрьяля?

Одновременно (или почти одновременно) с Линдомой были атакованы и другие финские объекты. В некоторых наших публикациях указывалось, что подвергшиеся нападениям партизан гарнизоны Крестовая Губа и Тамбиц-маяк (мыс Тамбиц-нос) являлись «поселками» и «прикрывали» гарнизон Линдомы. Однако это неверно, так как каждый из этих пунктов был важной (не менее важной, чем Линдома) составляющей всей береговой обороны финнов. К тому же список атакованных объектов требует определенной корректировки.

К северу от Линдомы на небольшом мысе Крестовая Губа (по-фински *Реканиemi*) располагался опорный пункт № 8 37-й противотанковой роты. Гарнизон его был немногочисленным (всего лишь 12 человек, а не 40 или 50, как определила партизанская разведка), однако, как и положено объекту такого рода, располагал мощным вооружением: помимо винтовок, станковый и ручной пулеметы, автомат, 50-мм миномет и 45-мм противотанковая пушка. На оконечности мыса находился среднего размера прожектор, который, правда, не действовал, так как еще 9 января был поврежден партизанскими пулями. С тыльной стороны опорного пункта было устроено препятствие в виде проволочного заграждения «в 19 проволок».

Для атаки опорного пункта № 8 были выделены 1-й и 3-й взводы партизанского отряда «За Родину» (командир отряда С. М. Шабалин) численностью до 70 человек. На берег партизаны вышли через проделанный в минном поле проход севернее объекта и, дойдя до дороги, пошли по ней. Через некоторое время впереди показалось проволочное заграждение, после чего командир дал команду развернуться в боевой порядок. По финским данным, атака началась в 0 час. 30 мин. (в 1 час 30 мин. по московскому времени) и «ввиду превосходства противника в силах личный состав опорного пункта после упорной обороны был вынужден отступить». Однако, по советским данным, все было не совсем так и слова финнов об «упорной обороне» были адресованы либо начальству, либо любознательным потомкам. В действительности же, как вспоминал позднее один из участников этой атаки, при появлении партизан «финны растерялись, в гарнизоне началась паника, и сопротивления они не оказали никакого». Все, похоже, ограничилось несколькими автоматными очередями, после чего «финны выбежали из гарнизона, побросав оружие, снаряжение, без лыж и даже без верхней одежды». На этом бой закончился, а в документах 14-го финского берегового артиллерийского полка появилась грустная запись: «Противник разрушил опорный пункт и сжег жилые дома и складские постройки...»

По советским данным, на мысу были подорваны 45-мм пушка, склад со снарядами (60 ящиков внутри барака и 28 снаружи), склад с боеприпасами и продовольствием, радиостанция, 2 станковых пулемета, 3 82-мм миномета и прожектор, а 1 станковый пулемет был привезен на партизанскую базу в качестве трофея. По финским данным, на опорном пункте № 8 были сожжены жилые и складские помещения, разбито зеркало 60-см прожектора и взорван артиллерийский склад, в котором находи-

лось 158 45-мм снарядов и 70 мин для 50-мм миномета. Кроме того, русские забрали с собой станковый пулемет, 50-мм миномет, теодолит и еще какой-то оптический прибор (возможно, стереотрубу). О двух других станковых пулеметах и трех 82-мм минометах не говорится ничего, а что касается 45-мм пушки, то в действительности она, как выясняется, осталась неповрежденной.

Завершив разгром опорного пункта на мысе Крестовая Губа, отряд «За Родину» «немедленно» двинулся в сторону своего берега, хотя согласно первоначальному плану должен был «следовать на соединение с основными силами, действующими в дер. Линдома». Сейчас трудно сказать, было ли это следствием корректировки плана или проявлением «инициативы» командира (такое у партизан бывало), но кое-кому от этого крупно повезло. Дело в том, что еще накануне всех этих событий командир 37-й противощтурмовой роты лейтенант Кумпула, получив приказ командира батальона и взяв с собой пехотный взвод и часть взвода снабжения (всего 27 человек, включая двух офицеров), отправился проверять боеготовность находившихся к северу от Линдомы опорных пунктов № 6 – 9. В момент, когда партизаны атаковали Линдому и опорный пункт № 8, лейтенант со своими людьми находился на опорном пункте № 7 (примерно в 5 км от Линдомы и в 2,5 км от мыса Крестовая Губа). Там его застал приказ командира батальона вернуться на выручку своего штаба. Но в итоге получилось так, что из Линдомы лейтенант Кумпула ушел, до опорного пункта № 8 не дошел и, похоже, возвращаться в свою деревню особо не спешил. Благодаря этому и он, и его солдаты благополучно пережили нападения партизан на оба гарнизона. Трудно сказать, что было бы, если бы С.М.Шабалин, следуя первоначальному плану, повел свой отряд из Крестовой Губы в Линдому и на пути наткнулся бы на солдат лейтенанта Кумпула. Можно лишь заметить, что уход целого пехотного взвода из Линдомы, с одной стороны, избавил финнов от лишних потерь, а с другой, облегчил партизанам выполнение их задачи.

Третьим объектом партизанской атаки должен был стать гарнизон на мысе Тамбиц-маяк (Тамбиц-нос). Для действий в этом направлении был выделен 2-й взвод партизанского отряда «За Родину», командование которым было поручено начальнику штаба отряда И. П. Самсонову. Выйдя на берег вслед за основными силами соединения, взвод повернул налево и, немного пройдя по лесу, вышел на финскую лыжню. Встав на нее, партизаны пошли дальше, причем вскоре выяснилась одна очень неприятная деталь: позади них по той же

лыжне шла невесть откуда взявшаяся группа финнов, как полагают, численностью около 30 человек. Заметим, что никаких известий об этой группе в финских документах пока обнаружить не удалось. Однако партизаны в своих воспоминаниях уверяют нас в том, что хотя в бой финны не вступали, но пускали в небо ракеты, предупреждая своих о приближающейся опасности.

Тем не менее И.П.Самсонов решил не обращать внимания на преследование и продолжал двигаться вперед. В 0 час. 45 мин. (в 1:45 по московскому времени) мчавшаяся на всех парах партизанская колонна влетела на огороженную колючей проволокой, но никем не охраняемую территорию вражеского опорного пункта. Забегая вперед, заметим, что поставленную задачу взвод выполнил, и, вернувшись домой, партизаны составили боевые рапорты и донесения (а чуть позже оставили и воспоминания), в которых рассказали о разгроме гарнизона Тамбиц-маяк. Однако можно представить, как были бы удивлены эти люди, если бы узнали, что на самом деле на Тамбиц-маяк они так и не попали, а все пережитое и описанное ими произошло совсем в другом месте.

А началось все с той самой лыжни, на которую 2-й взвод отряда «За Родину» вышел после выхода на берег. Понятно, что любая лыжня куда-то ведет. Но куда вела эта? Никаких табличек и указателей на ней, естественно, не было, да и происходило все в кромешной тьме ночного леса. Но партизаны, видимо, были уверены, что никуда, кроме как на Тамбиц-маяк, эта лыжня вести не может, и они бежали по ней, не подозревая, что она уводит их все дальше и дальше от намеченной цели. Глядя на карту, можно заметить, что для того, чтобы попасть от Линдомы на мыс Тамбиц-нос, нужно было идти строго вдоль берега на юг. Однако лыжня, по которой шел взвод И. П. Самсонова, сворачивала вправо, уводя его в другую сторону. По правде говоря, все могло закончиться не очень хорошо, но, наудачу, вскоре впереди показались ряды колючей проволоки и (опять же наудачу) никем не занятые огневые точки. Миновав их, партизаны начали разворачиваться для атаки, не догадываясь, что вместо мыса Тамбиц-нос оказались на безымянном мысу между бухтами Габгуба и Рисгуба, на огневых позициях финской 44-й тяжелой береговой батареи, где их то ли ждали, то ли не ждали....

Едва со стороны Линдомы загремели первые выстрелы, на командном пункте 44-й батареи было принято телефонное сообщение о появлении русских. Командир батареи лейтенант П. Тулки объявил тревогу и приказал солдатам занять огневые точки по периметру внешней линии оборони-

тельных сооружений. Однако похоже на то, что солдаты, видимо, уже привыкшие к ночным тревогам, выполнили этот приказ без особого воодушевления. Некоторые из пулеметных гнезд были заняты, а некоторые – и среди них то, что прикрывало дорогу на Линдому, – остались пустыми. И именно отсюда, через открытый проход в северо-восточном углу опоясывавших батарею заграждений, и нагрянули похожие на одетых в белые саваны призраков враги.

Планируя атаку на гарнизон Тамбиц-маяк, партизанское командование исходило из данных разведки, в соответствии с которыми численность противника в этом месте не превышала 15 человек. Потому-то сюда и была направлена самая слабая из всех боевых групп – усиленный взвод, в составе которого было вряд ли более 30 – 40 бойцов. Однако все сложилось иначе, и партизанам пришлось иметь дело с более серьезным противником. О численности личного состава 44-й тяжелой батареи на момент нападения финские источники не сообщают, но известно, что в сентябре – декабре 1943 г. она достигала 100 – 140 человек. Не будем настаивать, что ровно столько народу находилось на батарее и в ночь на 17 января 1943 г., тем более что одно 152-мм береговое орудие было переведено в другое место – на южную околицу деревни Габнаволок. Тем не менее даже после этого на батарее оставались 4 тяжелые пушки (две 152/45-С и две 152Н/37) с расчетами из 9 – 12 человек на каждую, штаб и прочие службы общим числом, как потом подсчитали партизаны, до роты. На самом деле, конечно, финнов на батарее было поменьше, но в любом случае по численности атакующая сторона уступала стороне обороняющейся. Однако и здесь приключилась та же история, что в деревне Линдома и на опорном пункте № 8.

Ворвавшись в расположение батареи, русские в одно мгновение оказались возле 4-го орудия и жилых барачков. Загремели выстрелы и разрывы гранат, полетели термитные шары. Застигнутые врасплох финны выскакивали на улицу и, как сказано в отчете командира 2-го батальона 14-го берегового артиллерийского полка майора А. Хельминена, укрывались за стенами штаба и казарм. Впрочем, укрываться здесь им пришлось недолго, потому что совсем скоро и эти, и другие постройки оказались охваченными огнем. Тогда солдаты просто разбежались в разные стороны и начали вести огонь по противнику откуда-то из-за деревьев или кустов.

Согласно данным партизанского штаба, в ходе боя взвод И. П. Самсонова сжег 3 барака и взорвал

склад с боеприпасами, в котором, как полагают, находилось не менее 150 – 200 ящиков со снарядами и патронами. Кроме того, по тем же сведениям, были уничтожены 2 дальнбойные и 2 122-мм пушки, а также выведена из строя «мощная прожекторная установка на Тамбиц-маяке». Следует заметить, что факт поджога солдатских барачков, кухни и столовой финны не отрицают, взрыв склада с боеприпасами видели и слышали многие, а вот с пушками получилась незадача.

Дело в том, что взорвать пушку просто так и в один миг можно только на словах. Тем более если речь идет об орудии размером с небольшой подъемный кран (длина ствола 152-мм пушки системы Канэ 7 м). Для этого нужны люди, имеющие при себе взрывчатку и умеющие с ней обращаться. А еще нужно время, чтобы уложить эту взрывчатку, подсоединить бикфордов шнур, поджечь его и, прежде чем все это взлетит на воздух, успеть отбежать подальше. А времени у партизан было мало. Противник пришел в себя, его огонь усилился, и пришлось подумать об отходе. В итоге, несмотря на то что, по признанию финнов, все их 4 орудия были партизанами захвачены, уничтожить их они не смогли.

В одном случае взрывчатка под пушку была уложена, но шнур не был подожжен, так как одному из финских солдат удалось автоматной очередью убить русских подрывников. В остальных финские солдаты смогли вовремя обезвредить взрывные устройства. Ни одно из орудий не пострадало, и из них в ходе этого же боя было выпущено то ли 10, то ли 22 снаряда. Что касается поврежденного прожектора, то следует отметить, что в расположении 44-й тяжелой батареи никакого прожектора – ни большого, ни малого – никогда не было. 150-см прожектор стоял на южной оконечности мыса Тамбиц-маяк, и с ним партизаны еще будут иметь дело, но об этом чуть позже.

Судя по всему, бой на 44-й батарее продолжался недолго (вряд ли более 20 – 30 минут). Вероятно, И. П. Самсонов понял, куда он попал и в каком положении оказался его взвод, а потому в небо взлетела сигнальная ракета, и партизаны начали собираться возле уже известного им прохода в проволочных заграждениях. Миновав проход, взвод вышел на озеро и, продолжая вести огонь по батарее, двинулся в сторону видневшегося неподалеку небольшого мыса (на финских картах он обозначен как Средний мыс – *Väliniemi*). Преодолев его, партизаны уперлись в устроенную на берегу ледяную стенку. В отдалении виднелся еще один мыс, где как раз и вспыхнул, заливая округу ярким светом, большой прожектор. Сразу

же раздались орудийные выстрелы и очереди станкового пулемета. Как выясняется, это и был тот самый мыс Тамбиц-нос, который 2-й взвод отряда «За Родину» должен был атаковать согласно полученному перед выходом заданию и на который он так и не попал.

Следует заметить, что партизанские разведчики ошиблись, когда сообщили, что на мысе Тамбиц-маяк находятся «мощная прожекторная установка» и 15 солдат. Прожектор там действительно был, но в составе гарнизона в тот момент числились 1 офицер, 7 сержантов, 17 рядовых и 2 плотника, а из оружия имелись 50-мм миномет, несколько пулеметов и 2 или 3 береговые пушки 75/50-С системы Канэ калибра 75 мм. Орудия незамедлительно открыли огонь, благо, что освещенный лучом прожектора противник был хорошо виден.

Партизаны оказались в сложном положении (можно было ожидать удара с тыла, со стороны 44-й батареи), но, укрываясь за ледяной стенкой, вели ответный огонь. И вскоре удача им улыбнулась. Одна из пуль попала-таки в прожектор, после чего он погас. На озеро опустилась крошечная тьма. Финны начали стрелять осветительными снарядами, но было уже поздно. Выйдя из-за укрытия на лед, русские, невзирая на обстрел из 75-мм орудий и 50-мм миномета (всего выпущено 22 снаряда и 26 мин), обогнули мыс с южной стороны и ушли в восточном направлении.

На этом бой закончился, и обе стороны занялись арифметикой, подсчитывая трофеи и потери. Трофеев что у одних, что у других было немного. Финны заявили, что возле Линдомы они нашли 7 русских винтовок, а автомат «Суоми» с двумя магазинами и 1 русскую и 2 немецких винтовки подобрали в расположении 44-й батареи. Русские, в свою очередь, записали в счет своей добычи станковый пулемет, «хороший телефонный аппарат» и 2 автомата «Суоми». Правда, кое-что (например, 2 винтовки, взятые отрядом имени Т. Антикайнена) в общие списки не попало, но в любом случае количество трофеев было невелико.

Этот факт может вызвать удивление, тем более если вспомнить, сколько складов, домов и разных барачков было захвачено партизанами. Однако удивляться тут не приходится, потому что сбором трофеев никто не занимался и заниматься, судя по всему, не собирался (команды не было). В результате все, что было захвачено, было тут же на месте и уничтожено: оружие, лыжи (около 250 пар), радиостанции, запасы имущества и продовольствия. Уничтожено было даже то, что и тащить на руках не требовалось. В частности, в Линдоме бы-

ли убиты все захваченные лошади (7 по финским данным), хотя их-то без особого труда можно было увести на свой берег. Впрочем, не будем все же забывать, что речь идет не о набеге на барахоловку, а о боевой операции, имевшей целью нанесение противнику максимального ущерба. И эта цель была с успехом достигнута.

Через некоторое время о рейде карельских партизан узнала вся страна. В утреннем сообщении Совинформбюро от 27 января 1943 года было сказано: «Три партизанских отряда, действующие в Карело-Финской ССР, в середине января одновременно атаковали гарнизоны противника, расположенные в трех населенных пунктах. Советские патриоты истребили до 200 вражеских солдат и офицеров, уничтожили 5 орудий, 3 миномета, 2 радиостанции, прожекторную установку, взорвали и сожгли несколько складов с боеприпасами и продовольствием». Наверняка, слушая сообщение, все участники этой операции испытывали законное чувство гордости. Обиженным, судя по всему, оказался только начальник опергруппы партизанского движения при 32-й армии Н.П.Аристов. А обиделся он за то, что в сообщении Совинформбюро были приведены преуменьшенные, по его мнению, данные о потерях противника: 200 человек вместо указанных в отчетах 245. Но, как выясняется, обижался Аристов зря, потому что в действительности потери финнов оказались во много раз меньше тех, что были заявлены и объявлены.

Согласно данным партизанского штаба, на мысе Крестовая Губа – там, где располагался финский опорный пункт № 8, – было убито 35 солдат противника, а еще 3 взяты в плен. С пленными, правда, получилась неувязка: кто-то зачем-то подорвал их гранатой. Этот «акт возмездия» сам по себе вызывает удивление, но еще большее недоумение возникает в связи с тем, что, по финским данным, гарнизон опорного пункта № 8 потерь не имел (otia tappioita ei ollut). Такая же картина наблюдалась и на 44-й тяжелой батарее. Там финны, по их уверениям, тоже не потеряли ни одного человека, хотя партизаны заявили об уничтожении «не менее 50 солдат и офицеров противника». Судя по всему, в обоих случаях финны просто успели вовремя разбежаться в разные стороны. Имущество и снаряжение, правда, при этом было потеряно, но зато сами солдаты остались целы и невредимы. Не было потерь и на мысе Тамбиц-нос, где, как мы уже знаем, партизаны так и не смогли побывать.

По-другому сложились дела в Линдоме, хотя разобраться в количестве понесенных здесь финнами потерь непросто. По советским дан-

ным, весь тамошний гарнизон (не менее 150 человек) был уничтожен. Однако это преувеличение, так как столько солдат в деревне наверняка не было. 150 человек – это численность всей 37-й противотанковой роты, которая, как мы уже знаем, была рассредоточена по нескольким опорным пунктам. Сами финны на сей счет приводят другие сведения, причем сведения эти, что называется, «на разный вкус». Согласно данным штаба Онежской береговой бригады, при нападении русских на Линдому было убито 4 человека (из них три из состава 37-й противотанковой роты) и 40 человек получили ранения. По данным штабов 14-го берегового артиллерийского полка и сектора «Реска», убитых финнов было 5, а раненых – 13, из которых 4 убитых и 7 раненых были военнослужащими 14-го полка, 1 убитый и 4 раненых значились в списках 3-й роты 15-го саперного батальона, а еще двое раненых, по всей видимости, числились в составе ночевавшего в деревне взвода связи. Наконец, из документов 2-го батальона 14-го полка явствует, что убитых в том бою было 6 человек, а раненых 10.

Относительно партизанских потерь обе стороны единодушны: в общей сложности они составили 13 человек убитыми и 9 ранеными. Однако расклад этих цифр имеет определенные различия. По советским данным, в бою погибли 11 человек, а еще два умерли от ран в госпитале. По финским данным, у деревни Линдома русские потеряли 9 человек (в том числе офицера), а на 44-й батарее – 4 человек (среди них офицер). В сумме это и дает цифру 13, но, с одной стороны, об умерших в госпитале финны знать не могли, а с другой, в документах партизанского штаба ничего не говорится о погибших командирах.

Вместе с тем сомневаться в точности финских сведений не приходится, так как в них, в частности, сообщается о том, кто конкретно из солдат застрелил русского офицера, а также о том, что на гимнастерке убитого были обнаружены какие-то знаки различия. Вопрос этот требует уточнения, а пока мы можем предположить, что оба погибших офицера не являлись партизанскими начальниками, а были командированы для участия в операции из какой-то армейской части. В списках партизан они не значились, по причине чего и остались неучтенными в известном нам реестре советских потерь. Если это так, то и реестр этот требует корректировки в сторону увеличения до 15 погибших.

Как видим, отдельные цифры результатов партизанского рейда на Линдому выглядят не столь оптимистично, как это может показаться на первый взгляд. И все же эту операцию следует счи-

тать крупным успехом советской стороны. Тем более что это признали и сами финны: «Сомневаться не приходится, что противник, предпринимая свою экспедицию, намеревался внести путаницу в систему обороны и нанести людские и материальные потери, что ему удалось в достаточной степени. Подразделения противника выполнили свою работу и отошли назад в полном порядке. Тому, что это имело место, способствовал целый ряд причин, среди которых можно отметить то, что наши войска были захвачены врасплох. Противник напал неожиданно на расположенные тяжелой батарее и достиг своей цели быстрой атакой, что было вызвано недостатками в планировании обороны».

Все случившееся в районе деревни Линдома иначе как полным провалом финской береговой обороны назвать сложно. Существенным, по признанию самих же финнов, был материальный урон, а избежать больших людских потерь удалось благодаря если не чуду, то, мягко говоря, умению финских солдат вовремя покинуть опасное место. Надо сказать, что в ходе боев на онежских берегах финны довольно часто демонстрировали эту свою замечательную способность и разговор о ней следует вести отдельно. Пока же мы заметим, что все случившееся в ночь на 17 января 1943 года заставило командование Онежской береговой бригады и 14-го берегового артиллерийского полка принять меры к усилению бдительности. И результат не замедлил сказаться.

Как свидетельствуют документы партизанского отряда имени Т. Антикайнена, в течение второй половины января – марта 1943 г. с советской стороны предпринимались неоднократные попытки нащупать слабое место в боевых порядках противника в полосе от Большого Клименецкого острова до мысов Лейнаволок и Варнаволок. В эти места одна за другой посылались группы разведчиков с задачей выяснить расположение и силы финских гарнизонов и, по возможности, взять «языка». Однако противник уже не дремал. Выход на берег был затруднен минными полями и проволочными заграждениями, разведгруппы нередко обнаруживались, подвергались обстрелу и порой несли потери, а попытки ночного захвата «языка» не имели успеха по одной простой причине: ночью финны предпочитали не совершать лыжные прогулки, а сидеть на опорных пунктах. Подойти же к ним незамеченными никак не удавалось.

В конце концов, партизанское командование приняло решение атаковать и разгромить финский гарнизон в деревне Вороний Остров. К этой деревне в феврале – марте 1943 г. партизаны хо-

дили пять раз, но так ничего и не добились. Четыре раза финны обнаруживали их при подходе к берегу и отгоняли огнем артиллерии и станковых пулеметов. На пятый раз (28 марта 1943 г.) удача вроде бы улыбнулась, и партизанские отряды имени Т. Антикайнена и «Боевые друзья» смогли незаметно подойти к Вороньему Острову. До деревни, окруженной минными полями и колючей проволокой, оставалось метров 700, как вдруг в воздух полетели осветительные ракеты и застучали станковые пулеметы. Завязался бой, длившийся около часа. Финны подбросили подкрепление и попытались отрезать партизанам путь отхода, но отряды смогли выйти на озеро и без больших потерь добраться до своего берега. Отряд имени Т. Антикайнена потерял 7 человек ранеными, двоих убитыми и один пропал без вести. Раненых унесли с собой, а убитые остались на поле боя...

Сегодня, когда многое в нашей истории подвергается переосмыслению и сомнению, у кого-то может возникнуть вопрос, а стоило ли партизанам или солдатам лыжных батальонов, рискуя и неся потери, совершать такие походы. Не проще ли было отсидеться на своем берегу, прикрывшись линиями укрепленных позиций и оцетинившись орудийными и пулеметными стволами? Не проще. Для этого командование Карельским фронтом должно было иметь на берегу Онежского озера немалые силы. А их не хватало. Не хватало людей, не хватало пушек и пулеметов. К тому же подобную тактику можно сравнить с ожиданием у моря погоды. С той лишь разницей, что в качестве погоды здесь выступали финны: придут или не придут? Неожиданностей и случайностей могло быть сколько угодно.

Но был и другой способ обороны. Не ожидая противника, идти к его берегу и сделать так, чтобы он, каждодневно боясь внезапной атаки, зарывался в землю, устанавливал минные поля, растягивал километры проволочных заграждений и сооружал десятки и сотни артиллерийских и пулеметных позиций. Именно этим должны были в течение всей войны заниматься финны, чья береговая оборона на Онежском озере по всем показателям – и по численности войск, и по мощи огневых средств – всегда превосходила советскую. Сказать, что финские лыжные отряды никогда не бывали на восточном берегу Онега, нельзя. Однако частота этих походов, а главное, их результативность были минимальными. И в этом немалая заслуга тех, кто раз за разом, из ночи в ночь, уходил навстречу неизвестности, зная, что гарантии на возвращение ему никто никогда не предоставит...

Когда этот номер готовился к печати, пришло печальное известие – ушел из жизни Сергей Михайлович Титов, талантливый историк, автор ряда книг по истории Карелии, лауреат специальной премии журнала «Север» за исследование, посвященное освобождению Петрозаводска в годы войны. Совсем недавно мы встречались с ним, обсуждали темы будущих публикаций. Сергей Михайлович готовился к защите кандидатской диссертации, рассказывал о завершении работы сразу над несколькими новыми книгами... Его уход – огромная потеря для всех, кто имел счастье общаться с ним, кто читал его книги и статьи. Редакция журнала «Север» выражает глубокое соболезнование родным и близким Сергея Михайловича Титова. Скорбим вместе с вами.

Сергей Михайлович ТИТОВ

родился в 1958 году.

Окончил Петрозаводский государственный университет

по специальности «история».

Автор ряда книг и статей

по различным проблемам военной истории.

